

Монополистический капитализм и жизненный уровень рабочего класса

I.

Вопрос о том, как влияет образование монополий на высоту жизненного уровня рабочего класса, имеет свою историю. Незадолго перед войной он вызвал резкую полемику между К. Каутским и Генеральной комиссией германских профсоюзов. Каутский утверждал, что положение рабочих ухудшилось, а реформистские руководители профсоюзов старались доказывать обратное. В буржуазной экономической литературе эта проблема уже давно обсуждалась. Сторонники картелей и трестов утверждали, что положение рабочих под их влиянием улучшается, противники их доказывали обратное. Лифман защищал картели. Чирский (Kartelle und Trusts) правильно указал на то, что даже в генеральных забастовках, которые должны вместе с ростом организованности рабочих и предпринимателей стать тактикой будущего, положение предпринимателей по мере развития картелей несомненно усилится, так как более высокая прибыль, получаемая последними, дает им возможность дольше выдерживать в социальной войне.

Отчасти повторяя Чирского, отчасти еще более подчеркивая отрицательные стороны картельного движения, проф. Зинцгеймер писал в журнале Шмоллера (за 1909 г.):

«Снижение предпринимательской прибыли в производствах, которые оказываются более слабыми в конкуренции с другими предприятиями, заставляет предпринимателей прибегать к снижению заработной платы и ухудшению положения рабочих, чтобы и впредь получить прежнюю прибыль. Вызванное появлением картелей изменение в отношениях между покупателями и продавцами приводит и к ухудшению положения рабочих не только в более слабых отраслях промышленности, но и в более сильных (картелированных). Сверхприбыль, которую получают более сильные предприятия, дает им возможность выдерживать длительные забастовки рабочих. Благодаря своему положению картели выговаривают себе такие условия, которые не связывали бы их на случай забастовок. Их перевес по отношению к покупателям при определении цен дает им возможность устанавливать цены, которые могли бы покрыть расходы на амортизацию и проценты на капиталы во время бездействия предприятий. Богатую жатву, которую они пожинают, они используют для создания такого рода благотворительных обществ, которые только сковывают рабочих, отнимают у них свободу коалиций и передвижения».

Отклики этой полемики мы находим еще в сборнике, выпущенном германскими профсоюзами в 1917 г.: «Monopolfrage und Arbeiterklasse», где Кунов утверждает, что положение рабочих в картелированных предприятиях лучше, чем в некартелированных, а Янсон подчеркивает, наоборот, отрицательное влияние последних на положение рабочих. Е. Варга стал в этом споре на сторону тех, которые говорят, что положение рабочих улучшилось в период монополий. В своей книжке «Мировое Хозяйство» (М. 1922 г.) он пишет:

«Если мы обратимся к периоду капитализма, предшествовавшему началу мировой войны, то должны будем констатировать, что уровень жизненных условий промышленных рабочих в Западной Европе обнаруживает постоянное, хотя и прерываемое кризисами и очень медленное повышение»¹.

II.

В последнее время этот спор возобновился, но уже по отношению к послевоенному времени. Имеем ли мы после войны повышение жизненного уровня рабочего класса в связи с рационализацией или нет?

Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо сначала установить, что вызывает изменение высоты заработной платы.

Обычно думают, что изменение в положении рабочего класса зависит исключительно от степени организованности рабочих и предпринимателей. В последнее время Гильфердинг стал особенно подчеркивать, что высота зарплаты зависит исключительно от политической борьбы социал-демократии. На самом деле рост заработной платы является следствием не только политической борьбы, но и главным образом в результате изменений в использовании самой рабочей силы, возросшей интенсификации и производительности труда.

«Во всех приведенных мною случаях, говорит Маркс («Заработная плата, цена и прибыль», изд. 1918 г., стр. 4), а они составляют девяносто девять процентов всех случаев, мы видели, что борьба за повышение заработной платы является только следствием предшествовавших перемен, что она есть неизбежный результат предшествовавших изменений в массе производимых продуктов, в производительной силе труда, в ценности труда и денег, в напряженности труда рабочего, соответствующих колебаний рыночных цен, обусловленных колебаниями спроса и предложения и различными фазами промышленного круговорота».

Эта глубокая мысль Маркса как нельзя более оправдывается современной практикой. Путем, так называемой, «рационализации» предпринимателям удалось в короткий период времени так увеличить интенсивность труда и выжать столько нервов и соков из рабочего, как раньше в течение десятилетий. Трудно себе даже представить, какую революцию в этом отношении означает введение конвейера, непрерывной работы. И само собой разумеется, что повышение заработной платы на несколько процентов не может даже в отдаленной мере возместить усиленную трату энергии рабочим классом.

Возьмем Соед. Штаты,—хваленую страну «высокой заработной платы. Как обстоит дело там? Изданная Союзом предпринимателей работа о «Заработной плате в Соед. Штатах за 1919—1927 г.г.» приводит на стр. 44 весьма поучительную таблицу, иллюстрирующую развитие производительности труда в американской промышленности. Оказывается, что производительность труда поднялась после войны быстрее, нежели механизация. Так, если данные за 1919 г. принять за 100, то соответственные данные за следующие переписи были:

Индексы развития механизации и производительности труда.

Г о д ы	Число рабочих	Общий объем производства	Производство на 1 рабочего	Механическая сила
1921	77,2	79,3	102,7	7,0
1923	97,5	122,1	125,2	112,8
1925	93,3	128,6	137,8	122,1

¹ Стр. 38.

Применение механической силы возросло на 22%, а средняя продукция на 1 рабочего—на 38%. Это подтверждает положение, высказанное нами еще в 1927 г., что капиталистическая «рационализация» сводится преимущественно к повышению интенсивности, к усиленной эксплуатации труда. Если теперь сопоставить движение реальной зарплаты с развитием производительности труда, то получается весьма поучительная картина. К сожалению, данные о зарплате этот источник приводит только со второй половины 1920 г. Между 1921 и 1925 г.г. реальная заработная плата всех рабочих увеличилась с 113 до 128 (июль 1914 г. = 100), т. е. на 13%. Производительность труда поднялась на 35%, а зарплата—на 13%!

Мы можем подойти к этому вопросу еще на основании других данных.

Так, по данным Министерства труда, которые приводятся в «Ежегодниках Министерства Торговли» производительность труда увеличилась в промышленности за годы 1919 по 1927 на 42%, а во всем народном хозяйстве—на 35%, а рост заработной платы в промышленности по цензам—на 11,7%, а с учетом понижения стоимости жизни—на 23,5%. Реальная зарплата организованных рабочих (недельная) выросла с 1919 по 1928 г.г. на 31%¹. За время от 1899 по 1925 г.г. производительность труда поднялась на 47%, а реальная зарплата по вычислениям Дугласа—на 28%, по сравнению с периодом 1890—1899 г.г. Кучинский даже исчисляет повышение реальной зарплаты с 1899 г. до 1927 г. всего на 21,8%, а производительность труда поднялась на 48,5%². Таким образом не подлежит никакому сомнению, что производительность труда поднялась гораздо быстрее, чем заработная плата, причем, как мы видели, преимущественно благодаря повышению интенсивности труда.

В сельском хозяйстве Соед. Штатов заработная плата еще в 1928 г. превышала довоенный уровень всего на 63%, в то время, как прожиточный минимум поднялся выше, чем на 70%. Реальная зарплата здесь ниже, чем до войны, между тем как производительность труда и здесь поднялась весьма значительно, с 1899 по 1925 г.г. на 61%, а с 1919 г. до 1927 г. на 29,5%. В данном случае противоречие между ростом зарплаты и производительностью труда выступает еще рельефнее.

В 1928 г. улучшения не наступило. По данным союза предпринимателей, зарплата в среднем осталась в 1928 г. на том же уровне, как в 1927 г. Почти такой же результат получается и из данных министерства труда. По последним данным, движение номинальной недельной зарплаты и прожиточного минимума было:

	Индекс недельной зарплаты промышл. рабочих ¹ июль 1924 г.=100	Прожит. минимум (в декабре) 1913 г.=100
1920	235,4	200,4
1921	188,0	174,3
1922	191,8	167,3
1923	211,3	171,0
1924	209,5	172,5
1925	214,8	177,9
1926	216,7	175,6
1927	217,1	172,0
1928	218,7	171,3

¹ «Commerce Yearbook» за 1929 г., стр. 70 и 83.² Производительность труда во всех областях увеличилась на 58,5—87%,—там же, стр. 32.³ Индекс номинальной зарплаты железнодорожников составил в 1928 г.—200.

Номинальная зарплата все же ниже уровня 1920 г.; с 1923 г. почти не повышается (+3,5%); так как прожиточный минимум после некоторого повышения за годы 1925 и 1926 снова упал, то реальная зарплата несколько поднялась, но минимально. За это время (1923—1928 г.г.) индекс промышленной продукции показывает повышение на 10%, в то время как число занятых упало на 6%.

Словом, какие бы мы не приводили цифры, результат все один и тот же: производительность труда поднялась значительно быстрее, нежели зарплата. При этом еще не учтена растущая безработица. Действительно, выплаченная сумма зарплаты составила в 1928 г. только 98% той, которая была уплачена в 1923 г. Следовательно, о повышении жизненного уровня в связи с рационализацией не может быть и речи.

Не лучше, скорей хуже еще, обстоит дело в Германии. О движении заработной платы в Германии после войны мы имеем следующие данные:

	Средняя недельная зарплата.		
	Квалифицированных	Простых рабочих	Прожиточный минимум
1913	34,67	23,21	100,0
1925	40,29	30,48	139,8
1929	45,26	34,16	141,2
1927	46,55	35,54	147,6
1928	50,19	38,38	151,7
1929 (июль)	52,63	40,74	153,6

Если за исходный пункт взять начало 1925 г., когда инфляционный период закончился (в 1924 г. хозяйство еще пережило «кредитную инфляцию»), то до апреля 1929 г. зарплата поднялась у квалифицированных рабочих на 30,6%, а у неквалифицированных—на 33,6%. За это время прожиточный минимум увеличился кругло на 10%, так что реальная зарплата выросла на 20—24%.

А как обстоит дело с производительностью труда?

Вот несколько данных, характеризующих рост производительности труда за это время.

Производительность труда в горном деле Германии поднялась, согласно данным J. Kuczynski (Finanzpolitische Korrespondenz, 1929, № 42).

	Каменно-угольная промышлен.	Буроугольн. промышлен. 1927 г. = 100	Железная руда	Добыча олова, серебра и цинка
1924	75,0	63,9	67,9	77,6
1925	83,9	81,8	88,8	84,8
1926	99,6	87,3	90,5	94,9
1927	100,0	100,0	100,0	100,0
1928	102,8	109,8	102,7	121,4

В угольной промышленности производительность труда поднялась на $\frac{1}{3}$; в буроугольной—даже на 72%, в добыче железной руды—на 50%. Заработная плата в каменноугольной промышленности увеличилась с конца 1924 по 1928 г.г. на 31—33%.

Продукция на 1 рабочего превышала в 1927 г. соответствующую продукцию 1925 г.¹

¹ Отчет Reichs Kreditgesellschaft за 1928/29 г.

В автомобильной промышленности	на 72%
На доменных печах	„ 43%
„ производстве стали	„ 42%
В машиностроительной промышленности	„ 40%
На коксовых печах	„ 37%
„ калиевых предприятиях	„ 30%
В угольной промышленности (на Руре)	„ 20% (в 1928 г. — 25%)
На железных дорогах	„ 18,7% (в 1928 г. — 25%)

Мы видим, что и здесь производительность труда развивается быстрее, нежели зарплата.

При этом не принята во внимание значительная безработица последних лет. За первые три квартала 1925 г. безработица была еще слабой, за первый квартал насчитывали 5,8% вполне и 4,3% частично безработных. За январь 1929 г. вполне безработных насчитывали 19,4%, а частично—8,7%, а в июне того же года—8,5% и 6,7%. Какое значение имеет безработица, как фактор, сокращающий зарплату, видно из вычислений молодого Кучинского. Оказывается, что благодаря безработице средняя зарплата должна быть сокращена в 1927 г. с 40,46 марок в неделю до 36,49 марок, в 1928 г. с 43,65 до 39,30 марок, а в июне 1929 г., когда безработица уменьшилась, зарплата все еще понижается с 46,18 до 41,47 марок, или на 11,3%. Значительная часть повышения реальной зарплаты теряется вследствие безработицы!

Кучинский считает, что в Германии на 6 квалифицированных рабочих приходится 10 неквалифицированных. Если исходить из такой пропорции и для довоенного времени, то зарплата в 1913 г. составила 27,5 марок в неделю. В июне 1929 г. она поднялась до 46,18 марок, или на 68%, при повышении стоимости средств существования на 53,4%. Если же взять фактическую зарплату в 41,47 марок, то теперешний уровень зарплаты всего на 50,9% превышает довоенный. Другими словами: фактическая зарплата немецкого рабочего все еще ниже довоенного уровня, составляя 98% его. Можно ли после этого говорить о том, что жизненный уровень рабочих поднялся?!

О положении рабочих в Англии после войны в этом отношении судить труднее, так как мы не имеем данных о производительности труда. Если исходить, с одной стороны, из индекса продукции, а с другой—из числа застрахованных рабочих, то мы получим следующую картину.

Индекс продукции промышленности и горного дела составляет в июне 1929 г. 111,9 по сравнению с 1927 г. Число застрахованных рабочих, не считая транспорта и государственных предприятий, увеличилось с июля 1923 г. по июль 1929 г. на 6,67. Судя по этим данным надо полагать, что производительность труда несколько выросла. Что касается движения зарплаты, то, приводя ряд анкетных данных о зарплате в важнейших областях английской промышленности за 1924 и 1928 г.г.—M. of Labour gazette (за 1929 г., стр. 353 и 401) замечает: «В огромном большинстве отраслей промышленности средний уровень недельной зарплаты мало изменился между октябрём 1927 г. и октябрём 1928 г.». То же подтверждается подсчетами Боули.

Более точные данные имеем об угольной промышленности.

Здесь мы имеем значительный рост производительности труда. За первый квартал каждого года добыча угля на 1 рабочего составила английских центнеров:

1924	17,79
1925	17,98
1926	18,46
1927	20,66
1928	21,24
1929	22,13

Средняя добыча поднялась на 24%. Если даже считать, что частью это обстоятельство объясняется переходом на лучшие копи и применением лучших способов обработки, то и тогда несомненным остается факт повышенной интенсивности труда. А как развивалась

зарплата? Она составила на 1 смену: за первый квартал 1924 г. 10 ш. и 2,82 пенса, 1926 г.—10 ш. и 4,79 пенса, а за первый квартал 1929 г.— 9 ш. 2,59 пенса. Падение номинальной зарплаты больше чем на 10%. Понижение прожиточного минимума составило всего несколько процентов, с 176 до 164 или на 6,8%. Одновременно число занятых уменьшилось с 1.112,3 до 897 тыс., следовательно, почти на 20%. Пала и реальная зарплата при повышении производительности труда.

Исследовательское Бюро английской рабочей партии исчисляет реальную зарплату английских рабочих, принимая во внимание и безработицу. Мы приводим здесь только основные данные:

Индекс реальной зарплаты в Англии.

	Номинал.	%% заня- тости	Денежная плата с уче- том безраб.	Прожиточ- ный минимум	Реальная зарплата
1900	100	96,5	100	100	100,0
1907	102,2	94,4	100	103	97,0
1914 (июль)	107,8	97,6	109	110	99,1
1920	297	92,2	284	296	95,9
1924	186	86,4	172	199	86,4
1925	189	89,9	176	195	99,2
1926	189	88,3	173	197	87,8
1927	186	90,2	174	186	94,6
1928 (сент.)	186	98,5	170,5	182	93,6

Прежде всего стоит отметить, что реальная зарплата за период 1907 по 1924 г.г. упала, хотя по вычислениям Шварца, за март 1929 г. производительность труда в промышленности поднялась на 11%.

Далее, по сравнению с зарплатой в 1924 г., мы имеем в 1928 г. некоторое повышение; но уровень зарплаты в 1920 г. еще не достигнут; по отношению к довоенному уровню мы имеем даже резкое понижение, хотя производительность труда стоит теперь выше, чем до войны.

Косвенным доказательством ухудшения положения народных масс можно считать уменьшение рождаемости. В the America journal of Sociology от мая 1929 г. мы находим сопоставление движения населения за послевоенные годы с довоенными, которые мы дополняем последними данными, взятыми из публикаций Германского статистического комитета. По этим данным получается понижение прироста населения в главных странах, не исключая даже САСШ. Так, движение было:

	1908/13 г.	1920/23 г.	1924/26 г.	1927 г.	1928 г.	1 квартал 1929 г.	
На 100 жителей приходилось:							
Англия и Уэльс	Рождаемость	24,9	22,0	18,3	16,7	16,7	16,5
	Смертность	14,1	12,2	12,0	12,3	11,7	21,0
	Прирост	10,8	9,8	6,2	4,4	5,0	-4,5
Франция	Рождаемость	19,5	20,1	18,8	18,1	18,2	18,4
	Смертность	18,6	17,3	17,2	16,5	16,5	25,2
	Прирост	0,9	2,8	1,6	1,6	1,7	-6,8
Германия	Рождаемость	29,5	23,8	20,0	18,3	18,6	18,8
	Смертность	16,5	14,3	11,8	12,0	11,6	17,0
	Прирост	13,0	9,5	8,2	6,3	7,0	1,9

	1908/13 г.	1920/23 г.	1924/26 г.	1927 г.	1928 г.	1 квартал 1929 г.	
На 100 жителей приходилось:							
Бельгия	Рождаемость	23,4	21,2	19,6	18,2	18,3	—
	Смертность	15,7	13,6	13,1	13,0	12,8	—
	Прирост	7,7	7,6	6,5	5,2	5,5	—
Швейцария	Рождаемость	24,7	20,2	18,4	17,4	17,7	18,0
	Смертность	15,2	13,0	12,1	12,3	12,0	16,2
	Прирост	9,5	7,2	6,3	5,1	5,3	1,8
САСШ	Рождаемость	24,8	23,2	21,5	20,4	20,6	—
	Смертность	15,9	12,3	11,9	11,4	12,2	—
	Прирост	8,9	10,9	9,6	9,0	8,4	—

Каждый исторический период имеет свой закон народонаселения. Послевоенный период капитализма характеризуется почти закономерными падением прироста населения. Говорит ли это о повышении жизненного уровня? Мы сомневаемся и склонны думать, что именно большая сложность борьбы за существование в наше время, чем до войны, приводит к уменьшению числа браков и рождаемости.

Что касается потребления, то оно в некоторых областях показывает рост, но только в немногих оно превзошло довоенный уровень.

Так, в Германии потребление хлеба (пшеницы и ржи) составило в 1913/14 г. 248,9 кг на душу, а в 1927/28 г.—всего 191,2 кг. Потребление картофеля уменьшилось с 700 до 498 кг. Потребление мяса и сахара, наоборот, несколько увеличилось, мяса с 1913 по 1927 г.г. с 49,49 до 49,95 кг, а сахара с 18,99 до 23,02 кг. Рост потребления этих продуктов может быть результатом перехода части населения из деревни в город. Затем сахар употребляется в производстве различных продуктов, которые вывозятся, и в данном подсчете не приняты во внимание. Во всяком случае, и эти данные не говорят о повышении жизненного уровня после войны.